

УДК 821.511.2Вэлла.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-20-28

Этномир в творчестве ненецкого писателя Юрия Вэлла: Концепты. Рецепция

А. С. Жулева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

✉ aszhuleva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию художественности новописьменной ненецкой литературы. Основная цель: определение истоков и раскрытие этнокодов художественных концептов и концептосферы ненецкой литературы. Задачей исследования является выявление роли и значимости выделенных концептов в создании образной системы. Осуществляется также поиск методологических подходов к постижению сложного и мало-изученного литературного процесса, протекающего в своеобразных условиях транскulturации. Обоснованы и активизированы междисциплинарный, историко-культурный и компаративистский подходы, использованы приемы аналитико-синтетического чтения текстов. Исследование проведено на материале текстов Юрия Вэлла, как написанных на ненецком и хантыйском языках и переведенных на русский, так и созданных им на русском языке. Отмечены активный поиск автором оригинальных жанров, его стремление сохранить родовую этничность в процессе транскulturации. Раскрыта специфика символизма целого ряда трансформированных и воплощенных первообразов (архетипов). Обозначено отличие познавательного и художественного концептов. Проявлено, как художественные концепты и концептосфера, включающие ментальные признаки и явления, сохраненные исторической памятью ненцев, участвуют в создании образов и развитии сюжетов, в воплощении избранной идеи и раскрытии темы.

Ключевые слова: ненецкая литература, ненецкая поэзия, художественный концепт, концептосфера, символика, этнопоэтика, мировидение, Юрий Вэлла, ненецкий рассказ, рассказ-миниатюра.

Для цитирования: Жулева А. С. Этномир в творчестве ненецкого писателя Юрия Вэлла: Концепты. Рецепция. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2024, № 4 (16). С. 20–28. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-20-28

The Ethno-world of the Nenets writer Yuri Vella: Concepts. Reception

A. S. Zhuleva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

✉ aszhuleva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the formation and development of artistry of the newly written Nenets literature. The main goal was to determine the origins and reveal the ethnocodes of artistic concepts and conceptosphere. Among the tasks was the manifestation of their role and significance in the creation of the image system. There was also a search for methodological approaches to comprehending the complex and little-studied literary process that takes place in peculiar conditions of transculturation. Interdisciplinary, historical-cultural and comparativist approaches were substantiated and activated, and analytical and synthetic reading of texts was used. The research was conducted on the material of Yuri Vella's texts written both in Nenets and Khanty languages and translated into Russian, and those created by him in Russian. The author's active search for peculiar genres and his aspiration to preserve his ancestral ethnicity in the process of transculturation are noted. The specificity of symbolism of a number of transformed and embodied primordial images (archetypes) is revealed. The difference between cognitive and artistic concepts is outlined. It is shown how artistic concepts and the

conceptosphere, including mental signs and phenomena preserved by the historical memory of Nenets, participate in the creation of images and the development of plots, in the embodiment of the chosen idea and the disclosure of the theme.

Keywords: Nenets literature, Nenets poetry, artistic concept, concept sphere, symbolism, ethnopoeitics, worldview, Yuri Vella, Nenets story, miniature story.

For citation: Zhuleva A. S. The Ethno-world of the Nenets writer Yuri Vella: Concepts. Reception. *Issues of national literature*. 2024, № 4 (16). Pp. 20–28. DOI 10.25587/2782-6635-2024-4-20-28

Введение

Таинственен и трудно постижим когнитивный «скачок», активизировавший зарождение и развитие литератур малочисленных российских народов Севера в XX в. Не менее загадочно и содержание этнического мира, представленное в произведениях ненецких писателей. Самобытна значимость слова в мифологическом сознании зачинателей и создателей письменного художественного слова, обретенная в значительной степени из устного народного творчества. Не случайно ненецкий писатель Юрий Вэлла* в качестве эпиграфа к рассказу-миниатюре «Поговори со мной» взял бытующее у ненцев представление о разновидностях и жизненности слова: «Изрекали Старцы издревле: “Мысленное Слово, произнесенное с уверенностью, все равно что слово, произнесенное вслух”» [1, с. 110]. В рассказе предстает своеобразный вариант трансформации познавательного концепта «слово» в художественный. Необычна экспозиция рассказа: посреди тундры встретились две упряжки (без обозначения людей), и с протянутой ладони «скатилось мысленное Слово». В представлении ненцев это не простая метафора, а бытующее в мифах, фольклоре и героическом эпосе (сюдбабц) представление о слове как некой духовной и материальной сущности. Традиционно волшебное Слово наблюдает за развитием событий и в сложных ситуациях помогает положительным героям. Логос как первообраз и первоисточник, создающий гармонию мира, активно участвует и в литературном процессе. Таинственные персонажи слово-песня, слово-сказка нередко появляются в зачине поэм, рассказов, стихотворений раньше главных героев. Этот вариант зачина мы видим и в рассказе Вэллы «Поговори со мной». Читая рассказ, мы только после появления скатившегося с ладони Слова постепенно узнаем из содержания диалога героев, что общаются молодые люди – студентка, приехавшая на каникулы, и оленевод. Их внутренний диалог, наполненный просыпающейся симпатией и влюбленностью, отличается от сдержанного реального (живого) общения героев. И такое сочетание мысленного и звучащего слова создает ситуацию, активизирующую действие в рассказе, интригуя, привлекает внимание читателя. Слово-персонаж в рассказе участвует как некий наблюдатель за внутренней и проявленной письменной, а также звучащей в воображении речью как персонажей, так и автора. Познавательный концепт «слово» активно наполняется новым смыслом, обретая статус художественности.

Художественный концепт и концептосфера в творчестве Юрия Вэллы

В процессе анализа значительного количества работ о литературе народов Севера было отмечено, что проблема выявления сущности и функционирования художественных концептов остается нераскрытой и требует должного внимания. Для ее решения, и определения подходов к проблеме, был рассмотрен ряд произведений ненецкого писателя Юрия Вэллы, который уделял творящей силе слова особое внимание, осуществляя поиск оригинальных жанров, стремился сохранить родовую этничность в процессе транскультурации. Мастерски владея ненецким и русским языками, он хорошо знал также язык хантов, с которыми лесные ненцы живут по соседству, писал свои произведения на трех языках, внося вклад в подтверждение рациональности и жизненности маркера: «Я и другие – не дихотомия, а континуум».

В качестве основной задачи в работе стал анализ символики, а также значимости и роли художественных концептов, концептосферы в произведениях ненецкого автора.

В современной науке концепт (от лат. *conceptus* – собрание, восприятие, зачатие) – акт «схватывания» смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания), введенный в философию П. Абеляром в связи с анализом проблемы универсалий, потребовавшим расщепления языка и речи, активно используется философами и лингвистами, этнологами и психологами, и в меньшей мере литературоведами, хотя следует отметить, что материалом для обоснования гипотез в разных науках служат чаще всего фольклор и литература. В ходе проведенного нами исследования осуществлялась опора на междисциплинарный подход, в частности, в построении гипотезы о художественных концептах в литературе использованы философские достижения, полученные в процессе анализа мышления, его конституирующих форм, моделей, с помощью которых человек в различное историческое время воспринимал те или иные реалии. Эти модели мышления могут конкурировать друг с другом, сталкиваться. Философы стремятся решить задачи извлечения и прояснения категорий и моделей, в терминах которых люди мыслят. Они уделяют значительное внимание разъяснению того, что означает концепт. Для понимания сути художественных концептов в литературе, в том числе новописьменной литературе ненцев, представлялось особо значимым выявление скрытых в метафорическом орнаменте философских трудов сущностных свойств концепта.

Автор термина «художественный концепт» философ С. А. Аскольдов уделял значительное внимание постижению таинства слова. Он обозначил отделение своего нового термина от других концептов в процессе размышлений о сути и значимости концептов в искусстве, в том числе и в литературе. Общим для него стало одно «загадочное явление»: как слово, не вызывая никаких художественных «образов», создает художественное впечатление, имеющее своим результатом духовное обогащение, так и концепт, не вызывая никакого познавательного «представления», понимается и создает «нечто», могущее быть объектом точной логической обработки. Аскольдов поставил вопрос: «Что это за туманное “нечто”, в котором в области знания всегда, а в искусстве слова в значительной мере заключается основная ценность?» [2, с. 29]. И сам дал ответ: «В проблеме познания это “нечто” носит название “концепта”, под которым надо разуметь два его вида: “общее представление” и “понятие”. В проблеме искусства это “нечто” пока не связано, с четким термином. Мы будем называть его “художественным концептом” с полным сознанием имеющихся в данном случае существенных отличий» [2, с. 29].

Следует отметить, что своей работой Аскольдов как бы, возродил идеи Средневековья, времени, когда активно дискутировался вопрос об истоках и сущности универсалий и был обоснован предложенный философом П. Абеляром термин «концепт».

С. А. Аскольдов развил идеи об универсалиях и концепте, обосновал отличие художественного концепта от познавательного, отметив его психологическую сложность, ассоциативность и динамическую устремленность к потенциальным образам. Рассматривая понимание концептов, он выделяет их заместительную роль в области мысли, которая совпадает по своей цели и по значению с разного рода заместительными функциями в области реальных жизненных отношений.

Оценивая вклад С. А. Аскольдова в возрождение и развитие теории концепта, дополняя его, Д. С. Лихачев в своем докладе на конференции в ИМЛИ РАН (октябрь 1993), а также позднее в одноименной работе «Концептосфера русского языка» обосновал предложенный им термин «концептосфера», расширил сферу исследования художественного концепта в сторону историко-культурного рассмотрения. Он обозначил свое видение концепта:

«В отличие от С. А. Аскольдова, я полагаю, что концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода “алгебраическим” выражением

значения (“алгебраическим выражением” или “алгебраическим обозначением”), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей их сложности человек просто не успевает, иногда не может, иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т. д.) Заместительная функция концепта облегчает общение еще в одном отношении: оно позволяет при языковом общении преодолевать несущественные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов, их толковании, отвлекаться от “мелочей” (иногда, впрочем, очень важных, например, в поэзии) [3, с. 242].

Д. С. Лихачев отмечал значимость работ лингвокультуролога Ю. С. Степанова для активизации внимания к концепту как многослойной и многофункциональной категории, назвал появление его трудов и его школы актом высвечивания идей С. А. Аскольдова.

В «Словаре русской культуры» Ю. С. Степанова [4] широко использован потенциал научного знания, методы разных наук. В процессе наполнения словарных статей в роли истоков использованы литературные произведения. Также привлечены в разной степени и методология, знания социологии и ряда других гуманитарных наук, в том числе естественных, в частности, математики. В статье о концепте «Культура» привлечен семиотический подход, представлена в статьях (без ссылки на автора, к сожалению) заместительная функция художественного концепта С. А. Аскольдова при описании эволюционных родов. Для исследователей художественного концепта в литературе словарь Ю. С. Степанова — значимое подспорье.

В процессе раскрытия сущности архетипов, создающих концептосферу, нами знания из области психологии. По мнению К. Юнга, «любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, “задевает” нас; оно действительно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный» [5, с. 230].

В процессе определения специфики и значимости художественных концептов и концептосферы для становления ненецкой литературы на материале произведений Вэллы осуществлялась опора на работы этнографов А. М. Кастрена [6] и Л. В. Хомич [7], историка Е. Т. Пушкаревой [8], фольклористов Т. Лехтисало [9] и Л. А. Лара [10]. В ходе раскрытия исследуемой темы были активно использованы принципы исследования жизненного и художественного текста, направленные на «прозревание вещей невидимых в вещах очевидных» [11, с. 11].

Художественный концепт, как отмечал Д. С. Лихачев, может быть определен автором в названии произведения и стать значимым для раскрытия содержания, в комплекте с другими концептами формировать концептосферу. «Ветерок с озера» — так назвал Юрий Вэлла сборник и рассказ, включающий раздумья пожилых оленеводов о будущей судьбе своего стойбища, расположенного на берегу озера. Стихия ветра у лесных ненцев в летнее время становится помощником для пастухов и спасением оленей от одолевающих их насекомых. Ветерок с открытого пространства, с озера разгоняет дым костров. В начале повествования мы узнаем, что человека без имени, дедушку шестилетнего мальчика Хылу, и бабушку, тоже без имени, что было свойственно ненецким сказкам, где многие герои нередко присутствовали без указания имен (уточнялась лишь родственная связь с главным персонажем, у которого было имя), волнует предстоящее осенью поступление внука в школу. «Не отнимет ли и его у меня шумный город? — тревожится пожилой оленевод. Трое сыновей его, уехав на учебу, не продолжили дело его и предков. Автор, настроив и читателя на раздумья, создает в рассказе благодатную атмосферу бытия в оленеводческом стойбище, подчеркивая его привлекательность. Описывает красоту и единение человека и окружающей природы. Соучаствует в создании гармонии жизни и ветерок с озера. Символично его появление, связанное с человеком — оленевод раздул тлеющие угольки кострища, добавил дров и мха, «и легкий ветерок потянул в лес облако вязкой пелены дыма, в котором один за другим

скрывались олени» [1, с. 48]. Ветерок, разгоняя дым, спасал оленей от налипающих насекомых. Известно немало случаев гибели оленей от сосущих кровь комаров. Не случайно Вэлла взял в качестве эпиграфа пословицу лесных ненцев «Настоящий олень от укуса первого весеннего комара торопится туда, где в детстве вдохнул запах дымокура». Утренний ветерок в рассказе способствует защите оленей и человека от вредителей. На озере ветер играючи пробуждал от сна воду и активизировал жизнь водного мира, прибрежную траву и кустарник, который стал что-то нашептывать. «Ветерок-шалун» сумел своим неожиданным порывом отвлечь оленевода от нахлынувших внезапно мыслей об ослаблении, угасании многолюдной в прошлом жизни стойбища, направив внимание на проснувшегося и выбежавшего из чума внука как надежду на воскрешение. Создает впечатление доброжелательного отношения дедушки к внуку ласковый ветерок, который играет в волосах и на лице мальчика, когда они едут на обласе (лодке) на рыбалку. Затихший вечером ветер позволяет и людям, и животным насладиться ароматом прибрежных трав и цветов. Однако в мыслях оленевода периодически появляются сомнения: не забудет ли внук во время учебы кочевую жизнь, аромат родного леса, стойбища, запах дымокура, вкус оленьего мяса и рыбы на свежем воздухе, когда лицо ласкает ласковый прохладный ветерок с озера» [1, с. 53]. Тревожные раздумья оленевода оказались напрасными. Соучастие доброжелательного ветерка не осталось забытым уже юношей Хылу, с которым встречается читатель в заключении рассказа. Студент зооветинститута готовится вернуться в стойбище и часто навещает дедушку и бабушку, в городе он нередко вспоминает, как по утрам «в лицо дул прохладный ветерок с озера».

Художественный концепт “ветер” в рассказе символичен, участвует в создании образов и в композиционно-сюжетном построении. При его поддержке читатель постигает не только мир настоящего и прошлого бытования ненецкого народа, его мировидение, но и приобщается к размышлениям автора и героев о будущем, об актуальных проблемах сохранения традиционного образа их жизни. Поскольку проблема перехода на оседлый образ жизни и ухода из оленеводства молодежи была особо важной для ненцев, ханты и других северных народов, Вэлла выделил рассказ, написанный в 1970 г., как особо значимый и при составлении сборника, дал ему название «Ветерок с озера» [1].

Слово “ветер”, означающее природную стихию, в рассказе Вэлла трансформировалось в художественный концепт, в загадочное явление, создающее живительное впечатление, духовно обогащающее, ценное для раскрытия сгустка смыслов и специфики сюжетно-композиционного построения, могущее быть объектом точной логической обработки.

Наполняясь художественными концептами, концептосфера и рассказа, и всего сборника становится составляющей индивидуально-авторского творческого процесса, отражением его самосознания, мифологического мировидения. Юрий Вэлла был активным собирателем и хранителем устного народного творчества, в создании произведений опирался на его национально-исторические традиции, развивая их. Он активно использовал, например, краткие сообщения, характерные для мифов и легенд, активизировал бытовавший у ненцев синкретизм устной поэзии и прозы, внутреннюю диалогичность речи. Совмещая в одном лице литератора, мыслителя, хранящего духовные ценности народа, общественного деятеля и образцового оленевода, Вэлла «созидал «картину мира», мифологизируя собственную личность и судьбу, воссоздавая уходящие культурные парадигмы» [12, с. 282].

Художественный концепт «любовь», имея биологическую чувственную подоснову, является одним из наиболее поэтизированных. Он многослоен и богат образностью в творчестве Вэлла. Автором задействованы разнообразные мотивы пробуждения любви: родительская любовь, любовь к родной земле, к отечеству, а также часто определяющая судьбу человека – любовь мужчины и женщины. В пятом разделе книги «Ветерок с озера» под названием «Сказание о любви» собраны семь разнообразных по форме рассказов о проявлении этого всемогущего и мятежного чувства. В рассказе

«Твоя Родина» присутствует ностальгическое пробуждение любви к родной земле двух симпатизирующих друг другу молодых людей, приехавших навестить родные места, где они жили в раннем детстве, но потом волею судьбы учились и жили вдалеке от них. Понимая, что герои не могут сами поделиться воспоминаниями и знаниями о полузабытом крае, автор задает наводящие вопросы-напоминания о тундровой жизни, ее природы, дополняя собственными размышлениями о насущных проблемах. Комментируя их возможные отрывочные воспоминания из детства, автор предлагает молодым людям задуматься о душевной боли оставленных ими в одиночестве (сиротстве) матерей и бабушек.

Для усиления эмоционального воздействия своих слов писатель напоминает об Авке – олененке-сироте, одиноко стоящем на соседнем с чумами бугре, долго и неподвижно всматривающемся вдаль. Авка – это оставшийся без матери олененок, которого обычно брали в чум и выкармливали. Создавая зооморфный образ, автор персонифицирует его, предполагая, что возможно, тот видит задранную волками мать и, страдая, пребывает в тоске. Эти эмоции не покидают его и тогда, когда он становится крупным, гордым и красивым оленем. По мнению автора, олень остается таким же одиноким, беззащитным и хрупким, как тот мир, который его окружает. Напоминаем, что повадки и особенности характера оленей Айваседа изучал и знал в подробностях, вел полевые записи, наблюдая и порой сам участвуя в обрядах, организовал ставшее показательным оленеводческое стойбище и жил в нем. В произведениях Вэлла творчески соединяет познавательный и художественный варианты концепта, связанного с оленем.

Обозначенная писателем как триптих «Азбука оленевода» содержит по семь примет-наставлений в каждой из трех частей: «Поговорки оленевода», «Арифметика оленевода», «Кое-что из «сакральной азбуки» [1, с. 159–164]. Размышляя и наблюдая за приобщением диких оленей, он делает вывод: из дикого оленя воспитать домашнего можно, но только в третьем поколении. Отбить же своих оленей от стада дикарей трудно, но возможно. Для этого, по мнению автора, Природа (написано слово с большой буквы) отпускает три попытки в первые три дня, из которых наиболее эвентуальна только первая попытка. Заводить же оленье стадо, удерживать его невозможно без создания условий, обеспечивающих их сохранность. Одно из них – соблюдение наставлений предков:

«Если ты стал оленеводом, заключи договор с Чернолицым (бурым медведем) такого содержания: «Я не буду охотиться на твоих детей, и ты не охотись на моих оленей». И держи слово, какой бы охотничий азарт тебя ни провоцировал. Тогда у твоих оленей будет меньше проблем» [1, с. 162].

Большинство поэтизированных Вэлла наставлений возникли не только из опыта и собранного фольклора, но и из детских сказок. В ненецкой этологической сказке «Два оленя», помещенной в сборнике «Ненецкий фольклор «под номером 1 и записанной Н. М. Терешенко [13, с. 27–29] отражен древний период из жизни народа – приобщение к оленеводству. Антропоморфные герои дикий и домашний олень ведут диалог о преимуществах бытия каждого из них. Защищающий свободу дикий олень ироничен и насмешлив, дерзко высмеивает зависимость от человека своего визави. Сдержанный в эмоциях домашний олень советует дикому оценить преимущества его бытия. Далее в сюжет включена ситуация из их жизни. Во время сильного ветра пастух отгоняет стадо в ложбину, ночью стережет, отгоняя волков. Дикий же олень из-за ветра и поземки остался голодным, а ночью с трудом добежал до чума, спасаясь от хищника. И здесь его спасает человек. Древняя мифологическая сказка демонстрирует приемы формирования правил общения и взаимодействия с животным миром, которые оказывали воздействие на устранение хаоса. Ритуал покаяния человека перед домашним оленем за лишение его свободы описан Вэлла в рассказе-миниатюре «Жертвоприношение».

В процессе анализа отмечено, что художественный концепт «олень» в произведениях Вэлла на ненецком языке отличается большой смысловой точностью и разнообразием. Присутствуют названия оленей, сопряженные с возрастом, мастью и полом. У ненцев, как

и других народов Севера, свое название имеют олени и в зависимости от выполняемой работы, и от занимаемого места в упряжке, а также от поведения, поскольку не все из них, в частности, любят постоянно держаться вместе, иных же трудно дрессировать при обучении.

Имеющий сакральное происхождение олень находится в мифологии ненцев под покровительством божества Илебямпэртя (его порой определяют, как духа – посланника Нума). Домашний олень на ненецком языке – ты, дикий – илебць. Учитывая, что имя божества и название дикого оленя имеют корень иле – в переводе означает жить, – можно предположить, что именно дикий олень изначально был определен в священные животные. Вторая часть имени божества пэртя означает «делающий что-либо, занимающийся чем-либо, следовательно, имя божества объясняет его предназначение и роль – дарить людям удачную охоту, охранять стадо, обеспечивая таким образом жизнедеятельность и выживание человека. Илебямпэртя, будучи небожителем, был близок к ненцам, ему посвящали жертвоприношения. В одной из ненецких космологических легенд происхождение Илебямпэртя связано с человеком: в ней Нум определил в покровители оленей и птиц человека, который при жизни совершил много добрых дел.

Расшифровать символический язык бессознательного, воздействующего на творческий процесс, на выбор убедительных и побудительных, несамоочевидных тонких метафор непросто. Свое стремление сохранить единение этноса, например, Вэлл завуалировал в стихотворном письме персонажа Т. Юргенсон, обозначив метафизическую связь с оленем и, соответственно, с топосом. В его сознании эти образы присутствуют постоянно, даже вдали от северного края.

Наверное,
Это и есть стадный инстинкт,
И поэтому
Мне долго нельзя в городе —
Я отстану от своего стада
И потеряюсь [14, с. 70].

Для подтверждения того, что художественные концепты и концептосфера во многом зависят от контекста и индивидуальности концептоносителя был использован компаративный подход с привлечением произведений другого ненецкого автора – Василия Ледкова*. Отмечено, например, что в его картинах природы художественный концепт “ветер” представлен не как у Вэлл – благостный ветерок, а как ветер-воитель, выступающий зачинщиком конфликтов, жаждущий борьбы и победы: «Ветер вцепился в хребет волны, / Выпустил когти / А у волны на спине видны / Белые кости» (стихотворение «Ветер вцепился в хребет волны», пер. М. Борисовой) [15, с. 23].

Заключение

В ходе исследования выявлено, как, наполняясь художественными концептами, концептосфера становится частью индивидуально-авторского творческого процесса, отражением его самосознания, мифологического мировидения. Концептосфера произведений Вэлл содержит значительное число художественных концептов, включающих ментальные признаки и явления, сохраненные исторической памятью ненцев. Концепты становятся когнитивно-прагматически значимыми для создания образов и развития сюжетов, воплощения избранной идеи и раскрытия темы. Но роль и своеобразие художественных концептов Вэлл этим не ограничиваются. Проявлено также, что они символичны и диалогичны, а также ассоциативны.

Художественные концепты воплощаются автором в ткань произведений, определяя особенности сюжета и поведение героев. В художественных концептах, кроме разнообразных смысловых значений, присутствует эмотивная составляющая: чувства, желания, волевые импульсы, вообще много иррационального, можно говорить порой об их логической неустойчивости и индивидуации. Однако нельзя не учитывать, что

подоснова их константы содержит смысловую общность, имеет в большей степени познавательный характер и, пересекаясь с неопределенной стихией поэтических слов и приемов, направляет на создание художественных образов и оказывает влияние на раскрытие идейного смысла, авторского замысла. Становится возможным обозначение (определение) художественных концептов и концептосфер как индивидуальных представлений с общей значимостью.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют об его актуальности и значимости для постижения особенностей развития ненецкой и других новописьменных литератур народов Севера на разных языках, способны оказать влияние на совершенствование методологии их изучения.

Л и т е р а т у р а

1. Вэлла, Ю. Ветерок с озера : проза / Юрий Вэлла. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 336 с.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. – Ленинград : ACADEMIA, 1928. – С. 28–44.
3. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Дмитрий Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2015. – С. 240–251.
4. Степанов, Ю. С. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
5. Юнг, К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / К. Г. Юнг // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : Трактаты, статьи, эссе. – Москва, 1987. – С. 214–231.
6. Кастрен, М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) / М. А. Кастрен – Москва : Тип. А. Семена, 1860. – 495 с.
7. Хомич, А. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки / А. В. Хомич. – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – 339 с.
8. Пушкарева, Е. Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ / Е. Т. Пушкарева. – Екатеринбург : Баско, 2007. – 248 с.
9. Лехтисало, Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Т. Лехтисало ; Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. – Томск : Издательство Томского университета, 1998. – 136 с.
10. Лар, Л. А. Мифы и предания ненцев Ямала / Л. А. Лар. – Тюмень : Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2001. – 290 с.
11. Касаткина, Т. А. «Мы будем-лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / Т. А. Касаткина. – Москва : ИМЛИ РАН, 2023. – 432 с.
12. Жулева, А. С. Художественное и ролевое житнетворчество Юрия Вэллы (Айваседы) (80-е гг. XX–начало XXI в.) А. С. Жулева // Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. – Москва : ИМЛИ РАН, 2019. – С. 282–310.
13. Куприянова, З. Н. Ненецкий фольклор : Учеб. пособие для пед. училищ / Сост. З. Н. Куприянова. – Ленинград : Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1960. – 293 с.
14. Вэлла, Ю. Земля Любви : диалоги / Юрий Вэлла. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2009. – 75 с.
15. Ледков, В. Н. Ивовое море / В. Н. Ледков. – Архангельск : Сев.-Зап. книж. изд-во, 1968. – 48 с.

R e f e r e n c e s

1. Vella, Yu. (2008) Wind from the Lake: Prose. Khanty-Mansiysk: Polygraphist. (in Russian)
2. Askoldov, S.A. (1928) Concept and Word. In: Shcherba, L.V., Alekseev, S.A., Chernyshev V.I., Peshkovsky A.M (eds.) Russian Speech. New series. Issue 2. Leningrad: ACADEMIA, pp. 28–44. (in Russian)
3. Likhachev, D.S. (2015) Conceptosphere of the Russian Language. In: Likhachev, D.S. Selected Works on Russian and World Culture. St. Petersburg State University Press, pp. 240–251. (in Russian)
4. Stepanov, Yu.S. (1997) Dictionary of Russian Culture. A Research Experience. Moscow: Languages of Russian Culture School. (in Russian)

5. Jung, K.G. (1987) On the Relation of Analytical Psychology to Poetic-Artistic Creativity. In: Kosikov, G.K. (ed.). *Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th-20th Centuries. Tractates, Articles, Essays.* Moscow, Moscow University Press, pp. 214–231. (in Russian)
6. Kastren, M.A. (1860) *Alexander Kastren's Travelling in Lapland, Northern Russia and Siberia (1838–1844, 1845–1849).* Moscow: A. Semyon Publishing House. (in Russian)
7. Khomich, A.V. (1966) *Nenets. Historical and Ethnographic Sketches.* Moscow-Leningrad: Nauka. (in Russian)
8. Pushkareva, E.T. (2007) *The Picture of the World in the Nenets Folklore: a System-Phenomenological Analysis.* Ekaterinburg: Basco. (in Russian)
9. Lehtisalo, T. (1998) *Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets).* Translated from German and published by Lukina N.V. Tomsk: Tomsk University Publishing House. (in Russian)
10. Lar, L.A. (2001) *Myths and Legends of the Nenets of Yamal.* Tyumen: Institute of Problems of Northern Development Publishing House. (in Russian)
11. Kasatkina, T.A. (2023) 'We Will Be-Faces...' Analytical and Synthetic Reading of Dostoevsky's Works. Moscow: IMLI RAS. (in Russian)
12. Zhuleva, A.S. (2019) *Artistic and Role Life of Yuri Vella (Aivaseda) (1980s – early 21st Century).* In: Zhuleva, A.S. *Mythopoetic Model of the World in Nenets Literature.* Moscow: IMLI RAS, pp. 282–310. (in Russian)
13. Kupriyanova, Z.N. (1960) *Nenets Folklore: Study Guide for Pedagogical Colleges.* Leningrad: Uchpedgiz. (in Russian)
14. Vella, Yu. (2009) *Land of Love: Dialogues.* Khanty-Mansiysk: Polygraphist. (in Russian)
15. Ledkov, V.N. (1968) *The Willow Sea.* Arkhangelsk: Northwest Publishing House. (in Russian)

ЖУЛЕВА Альбина Сергеевна – к. пед. н., с. н. с. отдела литератур народов России, ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН).

E-mail: aszhuleva@mail.ru

Albina S. ZHULEVA – Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.